

Глава 1

Memory studies как исследовательское поле

Что такое память?

Память составляет часть нашей обиденной жизни: мы живем с нею, но сама по себе она не является просто частью нашего ума или тела. Современному человеку проще всего вообразить себе память как документальный фильм, в котором пережитые им события вчерашнего дня или раннего детства запечатлены с разной степенью детальности и достоверности. Мы привыкли доверять нашей памяти, хотя иногда она подводит нас. Между тем само понятие «память» исторично, а разные способы обращения с нею далеко не так очевидны, как может показаться на первый взгляд. Например, Мэри Каррутерс, профессор литературы Нью-Йоркского университета, показывает, что в Средние века под памятью понимали то, что мы сегодня назвали бы воображением или творчеством (Carruthers 2008). Английский историк Френсис Йейтс, обращаясь к искусству памяти эпохи Возрождения, обнаружила, что в некоторых философских системах того времени память рассматривалась как магический метод раскрытия тайной гармонии земной и трансцендентальной сфер (Йейтс 1997).

От того, где мы помещаем память — в человеческом мозге или в психике, зависит выбор дисциплины, к которой следует обращаться с вопросом, что такое память. В первом случае мы будем иметь дело с нейрологией и нейробиологией, во втором — с психологией, когнитивной психологией и т. д. С другой стороны, если мы, локализуя индивидуальную память, остановимся только на «голове», мы довольно быстро обнаружим, что упускаем такие важные аспекты памяти, как телесность или органы чувств. Не стоит также забывать о внешних триггерах, способных запускать процесс воспоминания, — звуках, запахах, изображениях и словах, с которыми человек

сталкивается в повседневной жизни (Garde-Hansen 2011: 14–15). Именно в последней точке понимание феномена памяти естественными науками сближается с тем, что интересует гуманитарное знание. Сегодня, в отличие от первой половины XX в., уже никто не оспаривает тезис о том, что память является подходящим объектом исследования для историков, социологов, антропологов или что память может быть понята отдельно от своих источников, которые находятся за пределами человеческого мозга.

Сходство между различными дисциплинами, исследующими память, к какой бы области знания они ни принадлежали, заключается в разнообразии и неопределенности толкований изучаемого феномена. Количество понятий, связанных с памятью, в естественных науках, как и в гуманитарных, исчисляется сотнями. Эндель Тулвинг, канадский экспериментальный психолог и нейрофизиолог, специализирующийся на исследованиях памяти, в 2007 г. составил список из 256 типов памяти, включив туда и созданные историками понятия *культурной памяти*, *политической памяти*, *архивной памяти* и т. д. Его работа содержала немалую долю иронии по этому поводу (Tulving 2007).

Во всем многообразии социальных и гуманитарных исследований, авторы которых работают с понятием «память», подразумевая при этом совершенно разные вещи, можно обнаружить нечто общее. **Память** — это способ конструирования людьми своего прошлого. С одной стороны, она может изучаться как память-свидетельство людей, переживших некий опыт, например выживших в Холокосте. С другой стороны, это понятие используют для изучения репрезентаций прошлого и его конструирования через медиа памяти — книги, фильмы, монументы, церемонии и т. д.

Когда в 1920-х гг. французский социолог Морис Хальбвакс, к идеям которого многие из современных ученых возводят интеллектуальную генеалогию *memory studies*, впервые предложил понятие «коллективная память», другой отец-основатель (на этот раз школы «Анналов») Марк Блок указал ему, что это понятие метафорично, а потому бессмысленно (Bloch 1925). В самом себе оно содержит допущение, что коллектив обладает памятью подобно тому, как ею обладает отдельный человек.

Современный немецкий культуролог Алейда Ассман в книге «Новое недовольство мемориальной культурой» цитирует страстную речь немецкого историка Райнхарта Козеллека, семьдесят восемь лет спустя вторившего аргументам Блока:

Мой тезис гласит: я могу вспомнить лишь то, что пережил сам. Воспоминания привязаны к личному опыту. У меня нет воспоминаний, не обусловленных личным опытом. Я бы даже сказал, что каждый человек имеет право на собственные воспоминания. Это право на собственную биографию и собственное прошлое; данное право нельзя отнять никакими ссылками на коллективность и гомогенизацию, никакими требованиями или ожиданиями. Мое воспоминание есть нечто совершенно иное, нежели то, что является частью официальной коммеморации немецкого народа 27 января, в день освобождения Аушвица советскими войсками (Ассман А. 2016: 16–17).

О том, что Хальбвакс никогда не утверждал, что коллектив обладает собственной памятью, читайте следующую главу. В критике Блока, однако, есть своя доля истины: понятие «память» действительно метафорично, а потому обладает всеми достоинствами и недостатками, свойственными метафорам. С одной стороны, оно будит воображение, позволяет дать имя многообразию сложно сопоставимых, а иногда и сложно уловимых процессов и таким образом дает исследователям новые предметы познания или новые инструменты для работы со старыми. С другой стороны, любая метафора ничем не ограничена в производстве смыслов. Вооружившись ею, как знаменем, можно изучать практически что угодно, а на любую критику отвечать, что автор использует понятие метафорически.

Метафоричность основного понятия *memory studies* создает особое поле напряжения, поскольку содержит в себе искушение психологией и психоанализом. Между тем признанный представителями естественных наук факт, что изучение индивидуальной памяти невозможно без рассмотрения социального контекста ее бытования, вовсе не означает обратного. Совсем не обязательно разбираться в том, какие именно зоны головного мозга отвечают за процесс воспоминания, чтобы изучать память о Первой мировой войне в Великобритании или Жанну д'Арк как французское «место памяти». Наоборот, экскурсы в нейробиологию или психоанализ скорее осложняют процесс познания, затемнив его предмет, нежели помогут ему. Американский историк, специалист по памяти

о Холокосте в послевоенной Европе Вульф Канстайнер, выступая в 2002 г. с методологической критикой *memory studies*, настаивал на необходимости разделять различные типы «социальной памяти»: автобиографической памяти, с одной стороны, и коллективной памяти, с другой. «Из-за отсутствия такого различия многие исследователи коллективной памяти совершают соблазнительную, но потенциально смертельную методологическую ошибку, воспринимая и концептуализируя коллективную память в терминах психологии и эмоциональной динамики индивидуального воспоминания» (Kansteiner 2002: 185).

Проведение аналогий между индивидуальной памятью как свойством человеческой психики и памятью коллективной способно завести исследователей на зыбкую почву: переход от «коллективной памяти» к «коллективной психике» совершается довольно легко, но его результаты всегда сомнительны. Самый яркий пример здесь — это понятие коллективной исторической травмы, еще более зыбкое и метафоричное, а потому вызывающее гораздо больше споров (см. главу 6).

С другой стороны, нельзя утверждать, что обращение историков к работам нейробиологов или психологов одинаково бесполезно во всех случаях. Напротив, в рамках *memory studies* историки регулярно сталкиваются с необходимостью интерпретации автобиографической памяти, памяти-свидетельства. Отправляясь с опросником «в поле» брать интервью в качестве устного историка или работая с мемуарами, исследователь будет чувствовать себя увереннее, если известная историкам шутка «все мемуаристы врут» найдет рациональные основания благодаря чтению работ, объясняющих механизмы разнообразных aberrаций памяти. В этом случае он будет лучше понимать, что хотя все мемуаристы врут, некоторые из них искренне полагают, что говорят чистую правду.

Примером работы, где результаты исследований когнитивных психологов служат для объяснения особенностей памяти о Холокосте в послевоенной Германии, является статья немецкого историка Харальда Вельцера «История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы». Статья начинается с впечатляющего примера конфликта между историком и свидетелем. Дрезденцы, пережившие разрушительные бомбардировки

города союзнической авиацией 13–14 февраля 1945 г., твердо убеждены, что после самой бомбежки самолеты летали над улицами Дрездена и охотились на людей. В 2000 г. историк Хельмут Шнатц сделал доклад, в котором на основании полетных заданий и борт-журналов британских военно-воздушных подразделений, а также анализа технологических особенностей американских самолетов (они не могли низко летать над горящим после бомбардировки городом из-за высокой температуры) доказал, что история про охоту на людей — миф. Его выступление вызвало скандал: присутствовавшие на докладе свидетели восприняли слова историка как посягательство на их личные воспоминания. Они точно помнили летящие на бреющем полете самолеты и спасавшихся бегством людей, которых видели собственными глазами.

Объяснения этому, а также многим другим случаям аберраций памяти Вельцер находит у неврологов и когнитивных психологов, работающих с феноменом «забвения источника», когда человек помнит само событие правильно, но путает источник, из которого получено воспоминание о нем. Целый ряд исследований доказывает: «...человек может встраивать в историю своей жизни сведения, эпизоды и даже целые событийные ряды, происходящие не из его собственного опыта, а из совершенно иных источников — например, из рассказов других людей, из романов, из документальных и художественных фильмов, а также из снов, грез и фантазий. <...> В ложных воспоминаниях или в тех, которые заимствованы из других источников, особенно раздражает то, что события могут буквально “стоять перед глазами” у человека, как у тех пожилых дрезденцев, — “так, словно все было вчера”. Именно визуальная репрезентация прошедшего события субъективно более всего убеждает человека в том, что он вспоминает то, что было в самом деле и было именно так, как он видит это своим мысленным взором. Дело, однако, не в том, что это событие сначала отразилось у него на сетчатке и потом врезалось в память, а в том, что нейрональные системы переработки визуальных восприятий и образов, порожденных воображением, частично совпадают друг с другом, так что даже события, представляющие собой исключительно плод фантазии человека, могут “стоять у него перед глазами” и казаться живыми и объемными воспоминаниями», — пишет немецкий

историк. Одно из основных посланий статьи Вельцера заключается в том, что память и история имеют мало отношения друг к другу, поскольку «автобиографическая память представляет собой функциональную систему, задача которой — помогать человеку справиться с жизнью в настоящем» (Вельцер 2005).

Статья Вельцера, на мой взгляд, служит удачным примером работы, где выводы коллег из другого цеха, изложенные к тому же доступным языком, помогают автору прояснить его основной тезис. В то же время историку вовсе не обязательно цитировать нейробиологов во всех случаях, когда он работает с автобиографической памятью. Итальянский устный историк Алессандро Портелли, изучивший не менее впечатляющий пример ложных воспоминаний у жителей Рима в связи с массовыми казнями в Ардеатинских пещерах в 1944 г., к когнитивной психологии не обращался вовсе. В его работе анализируется очередной конфликт между свидетелем, убежденным, что знает причины массовых казней, и историком. Информанты Портелли твердо убеждены, что в казнях виноваты партизаны: «...[партизаны] бросили бомбу, а потом попрятались. А немцы их искали. Помню, весь город был увешан листовками: “Если виновные сами сдадутся властям, мы не станем применять репрессалии. Если же они не объявятся, мы уничтожим за каждого убитого немца десять итальянцев”» (Портелли 2005). Между тем исследователю точно известно, что никаких листовок вообще не было.

Портелли не ищет объяснений этому противоречию в процессах, протекающих в коре головного мозга свидетеля. Его интерпретация ложных воспоминаний строится на изучении четырех взаимосвязанных составляющих памяти об Ардеатинских пещерах: истории, мифа, ритуала и символа. Мифологическая версия этого события, с точки зрения Портелли, столь сильна именно потому, что связана с множеством до сих пор неразрешенных вопросов о прошлом: «Италия — единственная страна, где через полвека после трагедии все еще не утихают споры о том, кем же были борцы за свободу — героями или преступниками; единственная страна, где обсуждается вопрос, преступление это или нет — бросать бомбу в марширующую колонну связанных с СС полицейских войск вражеской оккупационной армии», — пишет Портелли (Портелли 2005).

На примере работ Вельцера и Портелли хорошо видно, как авторы, работающие со схожими сюжетами, включающими в себя феномен ложного воспоминания, с одним и тем же видом источников — интервью свидетелей, по-разному решают вопрос, нуждается ли функционирование автобиографической памяти в объяснениях нейробиологов, или историку достаточно тех инструментов, которые способна предложить ему его собственная дисциплина. Этот выбор двух исследователей возвращает нас к вопросу о том, в какой мере понятие «память» является для историка «просто метафорой». Ответ на него не может быть однозначным или данным раз и навсегда. Выносить суждение о пользе или вреде нейробиологии, психологии и т. п. дисциплин для исторической работы можно только исходя из поставленного в каждом конкретном случае исследовательского вопроса. Делая выбор в пользу того или иного подхода, важно лишь помнить, что чем дальше исследование уходит от изучения памяти-свидетельства к изучению разных форм коллективной памяти, тем больше опасность, о которой предупреждал Канстайнер: перенести объяснения, предлагаемые специалистами по индивидуальной памяти, в сферу коллективных представлений о прошлом.

Сам Канстайнер писал: «...хотя коллективная память не имеет органической основы и не существует в буквальном смысле, хотя она и включает индивидуальную агентность, понятие “коллективная память” не просто метафора. Коллективная память проистекает из разделенной коммуникации о значении прошлого, закрепленном в жизненном мире индивидов, которые принимают участие в общественной жизни соответствующего коллектива» (Kansteiner 2002: 185).

Понятие «коллективная память», переоткрытое вместе с работами Хальббакса в 1980-х, довольно быстро перестало устраивать большинство исследователей вследствие своего антииндивидуализма. Как последовательный дюркгеймианец Хальббакс понимал под коллективной памятью коллективно разделяемые репрезентации прошлого, но при этом настаивал на том, что индивидуальная память полностью социально детерминирована, а потому отдельный человек не имеет значения для истории коллективной памяти. Пытаясь преодолеть этот крайний социологизм, историки принялись

изобретать собственные альтернативные понятия: «историческая память», «культурная память», «социальная память», «публичная память» и даже «постпамять». Такая неопределенность основного понятия, а также многообразие конкурирующих интерпретаций при отсутствии собственного метода служат одним из главных оснований критики *memory studies* (Kansteiner 2002). С другой стороны, раздаются голоса, утверждающие, что понятие «память» не способно добавить в исторические исследования ничего нового по сравнению с такими классическими понятиями, как «миф», «обычай», «традиция» и «историческое сознание» (Gedi, Elam 1996).

Делая первые шаги в сложном поле изучения памяти, начинающий исследователь, таким образом, сразу же сталкивается с проблемой выбора между десятком уточняющих прилагательных к существительному «память». В следующих главах будет подробно рассказано о таких наиболее влиятельных концепциях, как «коллективная память» и «культурная память», и вскользь — о многих других. Пока же следует подчеркнуть, что, хотя без выбора не обойтись, не следует делать его механически или торопиться с ним. Выбирая между обаянием классической «коллективной памяти», овеянной славой почти вековой традиции, «культурной памятью», с немецкой основательностью снабженной супругами Ассман сложными теоретическими обоснованиями, или, скажем, ни к чему не обязывающей «исторической памятью», следует помнить, что вы выбираете себе не просто знамя, но предмет исследования, инструменты, а также союзников и противников.

«Мемориальный бум»

Начиная с 1980-х гг. понятие «память» оказалось в центре внимания различных социальных и гуманитарных дисциплин. Волне исследований в этой сфере положили начало два литературных события: книга американского историка Йозефа Ерушалми «Захор: еврейская память и еврейская история» (1982) и предисловие французского историка Пьера Нора «Между памятью и историей» к антологии «Места памяти» (1984). Оба автора противопоставляли память истории как принципиально иной способ обращения